

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Комп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкою. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Изъ Гейне. Стих. Ѳ. Н. Берга. — Утро. Его же. — Старина. Разсказъ Ольги Крюковой. — Обѣтъ Винфриды. Повѣсть Диккенса. — Чрезвычайно-важное открытіе. И. Я. Лебедева. — На улицѣ. Стих. К. И. Бабикова. — Росказы Карпа Иваныча. Карянова. — Мелочи. — Рисунки: И. Ѳ. Шестакова, С. А. Любовникова и К. И. Исакова.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Ходятъ въ небѣ потихоньку
Звѣзды ножками златыми,
Чтобъ земля не пробудилась
Подъ туманами ночными.

Чутко спать лѣса пѣмые....
Слышитъ все листокъ сонливый!
И гора въ травѣ росистой
Движетъ тѣнь свою лѣнливо....

Чья-то пѣсня... проникають
Въ сердце звуки силой мощной....
Голосокъ ли то любимый?
Соловей ли то полночный?

II.

Ночь.... Дорога незнакома....
Утомленъ я, сердце бьется....
Съ неба кроткой благодатью
Свѣтъ луны тихонько льется....

Кроткій мѣсяць! тѣни почи
Ты лучами озаряешь,
Нестерпимыя мученья
Въ сердцѣ бѣдномъ унимаешь!...

Ѳ. Бергъ.

У Т Р О.

Птички громко говорятъ,
Утра бодростью полны,
Неподвижны листья спятъ
Средь зари и тишины....

Солнца первый, красный лучъ
Въ морѣ огненномъ блеснулъ
Изъ прозрачныхъ синихъ тучъ....
Лѣсъ въ прохладѣ потопулъ....

Вѣтерокъ съ рѣки несетъ,
Пахнетъ лѣсомъ и водой....
Говоритъ, звенитъ, зоветъ
Голосъ жизни молодой....

Ѳ. Бергъ.

СТ А Р И Н А.

I.

БАРЫШНИ СТРѢЛЬНИКОВЫ.

Господи Ты Боже мой! Когда подумаешь, какими
исполинскими шагами отмѣриваетъ наша матушка Рос-
сія по пути къ просвѣщенію во слѣдъ образованной
Европы, — такъ кажется, будто прожилъ на бѣломъ

свѣтъ и не знай какіе несчетные годы; хоть по правдѣ сказать, не удалось еще порядкомъ дожить и до старости. Я, напримѣръ, хочу бесѣдовать о старинѣ. Смотри по тому, что было у насъ назадъ тому лѣтъ тридцать и что есть теперь, — развѣ тридцатилѣтнюю давность нельзя назвать стариной? Кто бы тогда повѣрилъ, что черезъ три-четыре десятка лѣтъ люди въ нѣсколько часовъ будутъ перелетать огромныя пространства, безъ лошадей и даже безъ крыльевъ, словно по щучьему велѣнію! Что они будутъ вести между собою разговоры на разстояніи тысячь верстъ, будто бы спокойно бесѣдовали въ одной комнатѣ? Что, наконецъ, они построятъ такіе же хрустальные дворцы, какіе во время оно имѣлись только у прекрасныхъ царевенъ сказочнаго міра, какъ гласили читанныя мною тогда хорошенькія книжки. Да такія диковинныя вещи въ тѣ времена всякій богобоязненный человѣкъ принималъ бы истинно за дьявольское навожденіе.

Многіе добрые люди, никакъ не отвергающіе видимой пользы просвѣщенія, говорятъ однакожь со вздохомъ, что въ старину жилось веселѣе. Прежде просто было, — замѣчаетъ всегда одинъ мой пріятель. Не потому ли имъ такъ кажется, что подъ словомъ: старина, — всякій разумѣетъ блаженный возрастъ своего дѣтства и золотую пору юности? Едва ли это не правда; потому что, вотъ, какъ я вспомню объ Оренбургѣ, въ которомъ протекло мое раннее дѣтство, такъ моему воображенію представляется до сихъ поръ какой-то волшебный край, въ которомъ все было такъ заманчиво и прекрасно. Многое изъ той блаженной жизни еще такъ живо въ моей памяти, какъ-будто случилось за нѣсколько дней назадъ. Итакъ я поведу рѣчь объ Оренбургѣ того времени, когда еще въ немъ не было ни дворянскихъ собраний, ни Неплюевского корпуса, ни Александровской колошны, словомъ: многого, что есть уже теперь. Я поведу благосклоннаго читателя, который захочетъ удѣлить мнѣ часокъ вниманія, не въ тотъ блестящій, очарованный кругъ, въ которомъ вращаются избранныя любимцы фортуны: богачамъ вѣдь и прежде, и послѣ привольно на свѣтѣ; а въ тѣсный кружокъ, обитаемый тѣми вѣчными тружениками, которымъ по волѣ Промысла всегда суждено колотиться, какъ рыбе объ ледь. Изъ такихъ-то невидныхъ существъ состояла тогда большая часть оренбургскаго населенія.

Правду сказать — родина моя не въ самомъ Оренбургѣ, а верстъ за семьдесятъ отъ него, въ степи, въ сосѣдствѣ кочевыхъ Киргизовъ. Но Оренбургъ казался мнѣ въ то время настоящимъ обитованнымъ краемъ; кинящимъ млеко и медомъ. Поѣздка въ Оренбургъ была для меня то же, что путешествіе за тридевять земель въ тридесятое царство. Какіе гигантскіе размѣры

получали тогда въ моемъ ребяческомъ воображеніи самые обыкновенные предметы, которые теперь, думаю, вовсе не привлекли бы моего вниманія!

Ждешь, бывало, не дождешься, когда подъѣдетъ ко крыльцу незатѣйливый экипажъ, заложенный парю киргизскихъ клячъ. Въ безпокойной тряскѣ, въ скрышѣ, грохотѣ и даже въ дегтяной смазкѣ колесъ, — во всемъ этомъ звучать и благоухаетъ тебѣ какая-то поэзія: теперь это покажется смѣшно, однакожь оно было такъ. Вотъ выѣдешь, бывало, изъ крѣпости и по гладкой, ровной дорогѣ, которая могла-бы поспорить съ любымъ европейскимъ шоссе, ринешься въ пустынную степь, а ей, кажется, и конца нѣтъ: до того широко и раздольно раскинулась она по горизонту. Только буйный степной вѣтеръ волнуется съдой ковыль; а тебѣ кажется, будто море катитъ тамъ свои прихотливыя волны. Ни кустика, ни пригорочка — все гладко и ровно, какъ говорится: ни сучка, ни задоринки. По сторонамъ труситъ конвой, то-есть два верховыхъ казака, вооруженные длинными пиками. При тихой ѣздѣ въ зубахъ одного изъ нихъ дымится коротенькій чубукъ. Для сокращенія монотоннаго пути, они ведутъ бесѣду о томъ, какимъ манеромъ *лѣтний* годъ попали они въ степи на *Кыргызъ*. — «Какъ они насъ, прокляты, обложили, солнце было въ дерево, — начинается съ разстановкою пожилой, бывалый наѣздникъ: и продоржали они насъ, прокляты, до самой темной ноченьки», и проч.

Смотришь, бывало: лѣниво приближаются и мигуютъ насъ кирпичныя версты, длинныя-предлинныя, будто великаны, сторожащія пустыню. Но вотъ на седьмой верстѣ, влѣвъ, является новый предметъ, нарушающій однообразіе степи: это группа съдыхъ холмовъ, известная въ народѣ подъ названіемъ: мертвыя соли. Рассказывали, будто соли эти разрабатывались когда-то давно и вдругъ окаменѣли; и будто бы съ тѣхъ поръ въ тиши ночи слышится отъ нихъ глухой стонъ, выговаривающій ясно: о-охъ! надругаются! Я, бывало, съ сердечнымъ трепетомъ смотрю на эти бѣлыя, отдаленныя груды, и въ грустномъ завываніи вѣтра слышится мнѣ жалоба чудесныхъ солей.

За осьмнадцать верстъ отъ крѣпости обыкновенно останавливались подлѣ какихъ-то мазанокъ, плетней и балагановъ, пріотившихся на берегу маленькой рѣчки, называемой Елшанкою: это Елшанскій форпостъ. Какъ поражалъ меня видъ сторожеваго Башкирца, который въ своей остроконечной шапкѣ односторонне торчалъ подлѣ забора на высокомъ камнѣ, опершись на длинную пилу. Онъ стоялъ неподвижно, какъ истуканъ; только вѣтеръ разносилъ далеко по степи его одностороннюю пѣсню. Говорятъ, Башкирецъ поетъ все, что представляется его глазамъ: степь видитъ — степь поетъ; коня видитъ — коня поетъ.

Подъ форпоста видѣлись тамъ и сямъ воза промышленниковъ, которые тащились изъ крѣпости въ Оренбургъ съ солью, и тутъ отдыхали; на берегу рѣчки ихъ стреноженные лошади щипали роскошную траву. По широкой дорогѣ часто встрѣчался длинный обозъ солевозцевъ, которые шли за своими возами, или, собравшись гурьбою, сокращали путь разговоромъ. Не рѣдко можно было встрѣтить миловидную казачку, съ чулкомъ въ рукахъ, слѣдующую за своею телѣгой, на которой изъ стороны въ сторону покачивалась зыбка, привѣшенная къ лубочной кибиткѣ.

Какъ таинственна казалась мнѣ на форпостѣ свѣтлая и просторная землянка, въ которую спускались по широкимъ ступенямъ. Какой-то вкусный, домовитый запахъ привѣтствовалъ въ ней обоняніе вошедшаго. Ея бѣлыя, какъ снѣгъ, стѣны, широкія нары, посреди огромная печь, совсѣмъ не похожая на обыкновенныя русскія печи: все это казалось мнѣ чѣмъ-то чрезвычайнымъ. За печью широкая кровать, а на кровати добродушный Нѣмецъ, Карлъ Иванычъ, въ полосатыхъ шароварахъ, бѣлой курткѣ и бумажкомъ колпакѣ, довершали очарованіе. Его красное, вѣчно улыбающееся лицо было такъ привѣтливо, что у меня тотчасъ исчезали всякій страхъ и ужасъ, возбужденные сначала его оригинальною личностью. На встрѣчу привѣтливо выходила Крестинья Ивановна, вѣрная подруга Карла Иваныча, съ дочерью, миловидною Нѣмочкой. Онѣ всегда были одѣты въ чепчикахъ, шпензерахъ и передникахъ. Всѣ эти рѣдкости дополняла умильная кошечка, бѣлорожица, мурлыкавшая въ печуркѣ, и рѣзвые котята, которые прыгали и скакали по парамъ. А когда, бывало, поставятъ меня на нары, такъ что я могу заглянуть въ окно, лежащее на самой землѣ,—какое удовольствіе доставляли мнѣ куры, которыя бѣгали у самаго окна, вѣчно озабоченныя, хлопотливыя. Или прилетала пичужка, садилась на торчащую вблизи былинку и, раскачиваясь, чирикала свою пѣсню....

Зимой, когда буря разыгрывалась въ степи, эти форпосты совершенно заносило снѣгомъ, такъ что иногда съ трудомъ отрывали разгонныхъ лошадей. Бѣда, если эта снѣжная буря захватывала одинокаго путника въ дорогѣ! Въ такомъ случаѣ оставалось ему одно средство: выпрячь лошадь, поднять оглобли саяей и, покрывъ ихъ занасенными на случай кошмами, укрыться вмѣстѣ съ лошадью въ этомъ убѣжищѣ. Несчастнаго заносило снѣжнымъ сугробомъ такъ, что и слѣда его нельзя было замѣтить. Но когда буря утихала, привычные казаки отыскивали и отрывали проезжаго. Такъ однажды разѣздные казаки привѣтили на гладкой снѣжной поверхности торчащій коротенькій конецъ оглобли.

— Кто тамъ есть живой человѣкъ? закричали они, припавши лицомъ къ сугробу.

— Отрывай! раздался въ отвѣтъ глухой голосъ.

— Да кто ты?

— Откопай, такъ увидишь! былъ отвѣтъ.

Человѣкъ, схороненный заживо въ этой холодной могилѣ, оказался обывателемъ крѣпости, промышленнымъ солью. Не смотря на свое критическое положеніе, онъ не оставилъ своей всегдашней привычки—побалагурить.

Распроставшись съ Карломъ Иванычемъ и Крестиньей Ивановной, мы снова отправлялись въ путь, и къ вечеру достигали форпоста Донгузскаго, разскинутаго при рѣчкѣ Донгузѣ, гдѣ уже почевали. И здѣсь были тѣ же мазаки, тотъ же вѣчный Башкирецъ, казаки, пики и солепромышленники. Въ послѣдствіи, года черезъ три, все это измѣнилось: вмѣсто мазанокъ бѣлѣлись уже въ степи красивыя гостиницы для проезжающихъ, съ просторными казармами, гдѣ помѣщалась стража. Карлъ Иванычъ переселился уже на Донгузъ и, по требованію, угощалъ проезжающихъ чаемъ, кофеемъ или яичницей. Кирпичныя версты по дорогѣ тоже замѣнились деревянными.

Болѣе нежели за двадцать верстъ начинали уже блистать въ отдаленіи на утреннемъ солнцѣ свѣтлые кресты оренбургскихъ соборовъ. Мое маленькое сердце прыгало отъ радости. Казаки дѣлались разговорчивѣе, лошади бѣжали дружиѣе, степь становилась оживительнѣе и люднѣе. Вотъ ясно обрисовалось вдали четырехугольное зданіе мѣноваго двора: оно казалось мнѣ тогда чѣмъ-то такимъ таинственнымъ и недосыгаемымъ, какъ замокъ какого-нибудь волшебника. Здѣсь начинали попадаться на встрѣчу стада барановъ и косяки лошадей съ своими дикими погонщиками; Киргизка, ѣдущая на быкѣ; важный верблюдъ, выступающій мѣрною поступью подъ свою тяжелою ношею. Далѣе — кибитки кочующихъ байгушей; полунагіе всадники и совершенно голые, смуглые Киргизята, прыгающіе на солнцѣ. Все это мелькало въ глазахъ и представляло такую странную, своеобразную картину, какая привлекла бы вниманіе и не ребенка.

Но вотъ мы подъѣзжаемъ къ мосту, перекинутому черезъ Уралъ. Ахъ, какъ я любила переѣзжать этотъ мостъ! Звучный грохотъ колесъ по доскамъ, которыя перебирались и подпрыгивали подъ ними, какъ клавиши; а внизу вода, мелкими струйками переливающаяся по разноцвѣтнымъ камешкамъ, такимъ хорошеенькимъ, что глаза разбѣгались, глядя на нихъ,—все эти предметы приводили меня въ восхищеніе. Какъ хороша была эта рѣка при яркомъ солнцѣ, съ своими красными берегами, съ тѣнистою рощею, которая, осыняя

берегъ, видѣлась вправѣ и какъ-будто привѣтливо кивала мнѣ вершинами своихъ высокихъ деревьевъ. Мнѣ такъ и казалось, что вотъ-вотъ выйдеть оттуда Илья Муромецъ въ позлащенныхъ латахъ. А кромѣ этого — сколько тутъ народу идетъ и ѣдетъ; какая пестрая толпа, какія разнохарактерныя встрѣчи! Таможенный чиновникъ, купецъ, торговка, солдатъ, важный Бухарецъ въ широкой чалмѣ, суровый Калмыкъ, лѣнивый Башкирецъ, оборванная Киргизка, съ нагимъ ребенкомъ за плечами, протягивающая руку прохожему или проѣзжему съ своимъ заученымъ: кристарай бай-гушъ! Всѣ эти фигуры рябили у меня въ глазахъ и въ высшей степени возбуждали любопытство.

Вотъ наконецъ мы приближаемся къ сакмарскимъ воротамъ. И теперь вспоминаю живо, какое важное значеніе имѣли для меня эти ворота: будка, часовой, рогатки, — какъ при всемъ этомъ не почувствовать страха и уваженія? Когда, бывало, изъ яркаго дневнаго свѣта вдругъ словно кинеть тебя подъ этотъ темный сводъ, обдающій холодомъ и пустотою; когда звучно загрохочуть колеса по плитамъ и какой-то особенный гулъ оглушить слухъ, — чувствуешь неизъяснимый ужасъ и вмѣстѣ восторгъ. Даже нынче, когда я подумаю о лондонскомъ тоннелѣ подъ Темзой, моему воображенію тотчасъ представятся сакмарскія ворота.

Всѣ оренбургскія ворота имѣли для меня особенный интересъ: и водяныя, и сакмарскія, и чернорѣченскія, и орскія; но послѣднія въ моемъ ребяческомъ понятіи имѣли особенное, мистическое значеніе. Орскія ворота — это былъ терминъ, означающій несчастье и гибель. О-охъ! вздыхала какая-нибудь благочестивая старушка: чего ужъ мнѣ грѣшницѣ много хлопотать? того и гляди, что въ орскія ворота понесутъ. Дѣло въ томъ, что ворота эти вели на кладбище, и потому въ народѣ носилось о нихъ много суевѣрныхъ толковъ. Вотъ, дескать, стоялъ часовой на часахъ у орскихъ воротъ въ самую полночь; вдругъ видитъ: отъ кладбища ѣдетъ карета и прямо къ нему... Изъ кареты вышла женщина въ саванѣ, такая страшная. «Отдай мнѣ съ себя крестъ! говоритъ она часовому.» — Нѣтъ, не отдамъ! отвѣчаетъ онъ. — «Отдай!» — Часовой поднялъ ружье, размахнулся и ударилъ прикладомъ незваную гостью. Чудо! прикладъ прошелъ насквозь, а она все стояла — даже не пошатнулась. — «Отдай крестъ!» приступала могильная обитательница, и начала сулить часовому деньги, почести и счастье. Онъ собрался наконецъ съ духомъ и сотворилъ крестное знаменіе: вдругъ и карета, и мертвецъ съ громомъ провалились сквозь землю... Когда черезъ часъ пришла смѣна, часоваго нашли безъ памяти и отнесли въ госпиталь, гдѣ онъ очнулся въ горячкѣ...

Но вотъ мы уже тащимся мимо стараго каменнаго Разгуляя, съ почертѣвшею деревянною крышею и готическими окнами. Передъ дверьми этого Эльдорадо оборванный писарь бречитъ на балалайкѣ, а двое нищихъ, съ сумами за плечыми, отплясываютъ трепака. Еще минута, и мы уже въ улицѣ, обставленной низкими домиками, между которыми давно уже хилится на бокъ ветхая обитель барышень Стрѣльниковыхъ.

Кто тогда въ Оренбургѣ не зналъ барышень Стрѣльниковыхъ? Не знали развѣ тѣ только, которые окружены волшебною чертою почестей и богатства; но, какъ мы уже замѣтили, не они составляли большинство оренбургскаго населенія. Барышни Стрѣльниковы шли круглый годъ, исключая праздниковъ, шубы и одѣяла для всѣхъ, кто имѣлъ нужду въ этихъ необходимыхъ вещахъ: тѣмъ единственно онѣ доставали себѣ пропитаніе. Въ ихъ рукахъ перебывали мѣха всѣхъ сортовъ и видовъ, начиная отъ простой овчины до великолѣпнаго соболя. Онѣ также стегали различныя одѣяла, отъ прочной бухарской выборки на верблюжьей шерсти, до деликатнаго атласа на ватѣ. Сверхъ того барышни Стрѣльниковы славились строгою честностію и вообще христіанскими добродѣтелями. Онѣ были дочери дворянина и заслуженаго маіора, когда-то бывшаго начальникомъ въ одной изъ такъ-называемыхъ тогда крѣпостей старой оренбургской линіи, кажется, въ Залаирѣ. Давнымъ-давно не осталось у нихъ ни роду, ни племени: два брата, бывшіе уже въ чинахъ, пропали безъ вѣсти въ знаменитую кампанію двѣнадцатаго года. Всего вѣроятнѣе, что они положили животъ свой за отечество; но барышни Стрѣльниковы вѣдь не читали приказовъ по арміи, да и читать вовсе не умѣли. Итакъ, онѣ вѣчно считали братьевъ своихъ *безъ вѣсти пропавшими*, а, можетъ быть, еще питали тайную надежду когда-нибудь съ ними свидѣться. Да! у нихъ была еще младшая сестра, выданная замужъ за какого-то бѣдняка; но она жила въ одной изъ отдаленныхъ губерній огромной Россіи, и для нашихъ барышень не было бы никакой разницы, если бы ея вовсе не существовало. У этой сестры была дочь, Настенька, которую онѣ воспитывали отъ пеленъ, и на ней-то сосредоточилась вся ихъ земная привязанность.

Да не составилъ себѣ кто-либо идеи о красотѣ и молодости, помышляя о барышняхъ Стрѣльниковыхъ. Старшей изъ нихъ, которую звали Агафьею Михайловной, было лѣтъ семьдесятъ — побольше; а младшей, Прасковьи Михайловнѣ, лѣтъ шестьдесятъ пять. Эти-то старушки день и ночь корпѣли надъ трудною работою, и глубокая ихъ бѣдность почти вошла въ пословицу. Обыкновенно онѣ называли одна другую: Агашенька и Пашенька; такъ привыкли называть ихъ сосѣди; такъ и мы будемъ называть ихъ впередъ. Пашенька была

еще свѣжа и тверда; станъ ея былъ прямъ, не смотря на постоянную привычку наклоняться надъ работой. Ея голубые глаза, еще густо опущенные черными рѣсницами и осѣненные такими же бровями, свидѣтельствовали, что во время оно она была не дурна. Одѣвалась она обыкновенно въ платье изъ бумажной бухарской сусы темнаго цвѣта, изношенное до послѣдней крайности; голову повязывала темнымъ гарнитурнымъ платкомъ, порыжевшимъ отъ времени. Шелковый платокъ на головѣ былъ какъ-будто особеннымъ признакомъ благороднаго происхожденія; но на шеѣ она всегда носила черный бумажный платокъ съ каймою. Башмаки на ногахъ ея вѣчно были стоптаны, а изъ-за короткаго платья слишкомъ неграціозно выглядывали дырявые чулки и голыя пятки ногъ. Что касается до башмаковъ, то по чисто-хозяйственному расчету она всегда покупала самые большіе, а вслѣдствіе поспѣшной ходьбы и постоянной торопливости, не минуемо ихъ ступывала. Чулковъ же ни вязать, ни штопать было ей рѣшительно некогда.

Агашенька ни свѣжестью, ни крѣпостью силъ не могла сравниться съ сестрою. Неумолимое время и постоянные труды и лишенія наложили на нее свою разрушительную печать. Росту она была болѣе средняго, худощава; станъ имѣла слегка согнутый и горбоватый. Глаза ея потухли и съ трудомъ уже видѣли; на правильномъ, хотя покрытомъ морщинами, лицѣ ясно выражались кротость и добродушіе. Она постоянно носила длинную кофту, съ юбкою изъ красной бухарской выбойки, уже давно утратившей свой яркій цвѣтъ; а голову покрывала желтымъ бумажнымъ колпакомъ, изъ-за складки котораго всегда торчалъ ремешекъ отъ крышки берестяной тавлинки. Кисточка этого заслуженнаго колпака привѣтливо кивала надъ глазами, когда кроткая старушка суетилась по хозяйству, возя за собою на ногахъ какіе-то отонки, носящіе названіе башмаковъ.

Настенькѣ въ то время, о которомъ я рассказываю, было не болѣе двѣнадцати лѣтъ. Это была дѣвочка рослая, съ плоскимъ и немного согнутымъ станомъ, потому что она тоже участвовала въ трудахъ своихъ воспитательницъ. Ее совѣтъ нельзя было назвать хорошенькою, къ тому же, вялость рѣчи и движеній отнимали многое отъ ея едва разцвѣтающей юности, и дѣлали изъ дѣвочки преждевременную старуху. Но Пашенька имѣла высокое понятіе о красотѣ своей любимицы, называющей ее маменькою, глядѣла на нее съ умиленіемъ и выражала удовольствіе свое словами:

— Настенька, благая рожица!

По обычаю почтенной старины, барышни Стрѣльниковы не были посвящены въ книжную мудрость; но,

сообразуясь съ требованіями новѣйшаго времени и не смотря на свои скудные средства, выучили Настеньку чтенію и письму. Забавно было видѣть, когда бывало Пашенька, послѣ долгихъ сборовъ и толкованья, покупала наконецъ листъ синей бумаги и усаживала Настеньку писать письмо къ матери.

— Маменька! да что я буду писать-то? говорила дѣвочка плаксивымъ тономъ.

— Пиши, душенька: у Настеньки умокъ появляется! отвѣчала съ важностью Прасковья Михайловна.

— Маменька! да какъ это можно....

— Пиши, вѣдьма! говорятъ тебѣ, — такъ и пиши.... Не хуже я тебя знаю.

Мнѣ едва ли было лѣтъ семь отъ роду, когда мы жили по сосѣдству съ барышнями Стрѣльниковыми, и видѣлись съ ними почти каждый день. Я живо помню это ветхое убѣжище, въ которомъ иногда съ утра до вечера являлись люди разныхъ видовъ, званій и состояній: кто шелъ съ заказомъ, кто раздѣлить горе, сообщить радость или попросить совѣта. Всѣхъ принимали добрыя старушки, никому не отказывали въ своемъ участіи, хотя время было для нихъ вещь драгоценная, котораго они не могли тратить безъ расчета. Прислуги у нихъ не было никакой: Агашенька топила печку, готовила скудный обѣдъ и управлялась съ курами, единственною живою принадлежностью ея маленькаго хозяйства. Пашенька носила воду, стирала бѣлье, ходила на базаръ, отыскивала работу, и т. п. На Настеньку, за молодостью лѣтъ, трудной работы онѣ не возлагали.

Когда я, бывало, подхожу къ ихъ ветхимъ воротамъ, которыя скрипѣли и шатались отъ напора вѣтра, мнѣ такъ и кажется, что надо подъ нихъ маслица подлить, какъ говорится въ сказкахъ. На дворѣ у нихъ не было никакихъ строеній, кромѣ бани и какого-то хлевунка; за то баня эта служила чуть ли не цѣлою улицей: она была такая темная и жаркая, что казалась мнѣ настоящимъ адомъ. Но возвратимся къ убогой обители.

По низенькому, полуразрушенному крылечку взойдешь, бывало, въ маленькія сѣни; доски въ этихъ сѣняхъ такъ ходенемъ и ходятъ. За дверью торчалъ изтертый голикъ, котораго я ужасно боялась: я вотъ такъ и ждала, что онъ выскочитъ изъ угла и примется меня хлестать. Изъ сѣней попадешь въ стряпушую: она не велика, обь однимъ окнѣ; въ углу русская печь, направо дверь, которая ведетъ въ небольшую комнату съ перегородкою. Комната эта, окнами на дворъ, постоянно отдавалась подъ постой, помнится, по два рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ. Въ то время тутъ квартировала кривая Бубниха; она брала на выучку купеческихъ ребятишекъ и считалась богатою, потому что

одинъ разъ въ день пила чай. Бывало, на другомъ концѣ улицы слышно, какъ поднимется содомъ отъ ея учениковъ: ихъ было около десятка, и всѣ обыкновенно читали вдругъ. Кто кричитъ: буди благочестивъ; кто — блаженъ мужъ, кто — бу-ки-азъ-ба — просто, хоть уши заткни!

Налѣво дверь вела въ горнищу хозяйекъ. Это была горница не маленькая, два окна на улицу, одно на дворъ. При первомъ взглядѣ бросалась въ глаза безобразная голландская печь съ широкою лежанкой. Налѣво, подлѣ двери, скрипучая кровать съ постелью, накрытою выбойчатымъ одѣяломъ. Подлѣ — допотопный шкафъ готической архитектуры, котораго стекла видѣ заклеены писаною бумагой, видѣ прикрѣплены лучинками; потомъ большой кованый сундукъ; въ углу старый дубовый столъ; надъ столомъ такой же кіотъ подъ зеленою краскою и безъ стеколь. У окна деревянная софа, — подлѣ огромныя пильцы... Вотъ вся утварь этого жилища, которое всюю своею массою тяжело покачнулось на одну сторону. Свободный уголъ направо къ печкѣ тоже отдавался подъ постой. Въ то время уголъ этотъ занимала пѣвая Лукерья Васильевна, за полтину на ассигнаціи въ мѣсяцъ. Она была вдова, еще не старая, вѣчно вязала широкій-преширокій колакъ и постоянно мечтала о томъ, что ежели бы пришла кладь, то купила бы цѣлый фунтъ чаю. Кажется, мечта ея никогда не осуществилась.

Вся описанная комната и ея скромная мебель буквально бывали завалены мягкой рухлядью всякаго рода. Кромѣ мѣховъ, тамъ покоилась кинна верблюжьей шерсти; здѣсь — огромный свертокъ ваты, матеріи, доскутья, обрѣзки, нитки, воскъ, мѣлъ и т. и. Въ шкафѣ, рядомъ со двумя или тремя чайными чашками, красовалась деревянная толкунка, мыкальная щетка, гребень и т. д. Однакожь раза четыре въ годъ, въ высокаторжественные праздники, весь этотъ хламъ убирался, комната тщательно желалась и вымывалась, столъ подъ кіотомъ накрывался бѣлою скатертью, и на него ставился вычищенный, какъ зеркало, самоваръ: барышни Стрѣльниковы рѣдко позволяли себѣ чайную роскошь. Не помню хорошенько: кажется, тамъ жила еще дымчатая конка, такая же старая, какъ ея хозяйки; да, точно! Конка эта мнѣ была пріятельница и постоянно покоилась на лежанкѣ. Нужно замѣтить, что въ описываемое мною время Оренбургская губернія страдала отъ страшнаго неурожая: въ самомъ городѣ ржаная мука поднялась до четырехъ рублей за пудъ, а это для бѣдныхъ людей было крайне чувствительно.

Ольга Крюкова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОБЪТЪ ВИНФРИДЫ.

(Изъ Диккенсова журнала «Household Words».)

(Окончаніе.)

Меря уже было лѣтъ 18 или 19; она была прекрасна собою: это было благородное существо, полное жизни, любви, увлеченія и невинности, съ веселыми глазами, свѣтлыми волосами, живымъ румянцемъ и звучнымъ голосомъ, на все смотрѣвшее сквозь чистое стекло своей любви, своихъ надеждъ, и распространяющее вокругъ себя смѣхъ и радость; настоящей идеаль чистаго беззаботнаго сердца. Она какъ будто взяла себѣ всю жизнь Винфриды; такъ роскошно она проявлялась въ ней, и такъ блѣдна и безцвѣтна была въ бѣдной ея воспитательницѣ. Вся красота Винфриды исчезла вмѣстѣ съ юностью. Черные волосы ея постѣдѣли, веселые глаза померкли, губы побѣдѣли, и блѣдныя щеки впади. На лицѣ ея не осталось слѣда прежней красоты и никто, увидавъ ее теперь въ первый разъ, не повѣрилъ бы, что она въ молодости была такъ прекрасна.

Посреди честолюбивыхъ занятій своихъ, Луи все помнилъ Винфриду. Она была единственная женщина, которую онъ когда-либо любилъ, и такъ какъ время обыкновенно придаетъ прошедшему особенную прелесть, то ему казалось даже, что онъ любилъ ее сплпѣе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Онъ достигъ всего, къ чему стремился въ жизни; онъ былъ богатъ, силенъ, самыя смѣлыя надежды честолюбія его осуществились, но сердце его было пусто, и онъ стоялъ одинокъ. Онъ осуждалъ себя за роль избранную имъ, въ жизни, и видя положеніе свое обезпеченнымъ, находилъ даже, что поступилъ неблагоуразумно, не соединившись съ Винфридой. Онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы вознестъ ихъ обѣихъ вмѣстѣ съ собою, а она жизнью своею заставляла бы замолчать низкую клевету, старавшуюся запятнать ея великодушный поступокъ; потому что поступокъ ея точно былъ великодушенъ, и онъ теперь въ полной мѣрѣ признавалъ его таковымъ. Съ этими-то мыслями, въ тѣ года, когда человекъ, посвятившій честолюбію свою молодость, въ зрѣлыя лѣта начинаетъ чувствовать потребность домашняго счастья, онъ сталъ осведомляться о Винфридѣ въ старомъ ея жилищѣ; и, получивъ ея адресъ, немедленно отправился въ Девонширъ, съ намѣреніемъ возобновить старое знакомство и, кто знаетъ, можетъ быть и прежнюю любовь съ старымъ другомъ и бывшей невестой. Но Луи сдѣлалъ важную ошибку: онъ не принялъ въ расчетъ время, протекшее съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ Винфридой. Онъ все еще думалъ увидѣть ту же Винфриду, съ блестящими глазами, съ упадающими почти до колѣнъ волосами, которую оставилъ играющею на полу

съ маленькой дѣвочкой. Всѣ говорили ему (и онъ безъ тщеславія могъ тому вѣрить), что время оставило на немъ выгодные для него слѣды: въ темно-русыхъ кудряхъ его, нѣсколько повытертыхъ на вискахъ, не было ни одной серебристой нити, паружность его стала мужественнѣе, лицо сдѣлалось выразительнѣе, чѣмъ было тогда, когда Винфрида видѣла его въ послѣдній разъ; успѣхъ придавалъ ему нѣкоторую важность, а постояннымъ обращеніемъ съ людьми онъ приобрѣлъ глубокое знаніе человѣческаго сердца. Онъ въ сильной степени принадлежалъ къ числу людей, духомъ и характеромъ своимъ, имѣвшихъ большое вліяніе на всѣхъ, ихъ окружающихъ. Красивый, благородный, ловкій, онъ въ глазахъ большей части женщинъ являлся царемъ и героемъ, противъ котораго величайшій красавецъ, хотябы то былъ самъ Аполлонъ, не могъ надѣяться устоять, и который, подобно настоящему царю, могъ избрать себѣ царицу вездѣ, гдѣ бы ни пожелалъ. И онъ думалъ что время, поступившее съ нимъ такъ дружески, то же сдѣлало и для Винфриды, думалъ встрѣтить въ ней женщину видную, внушающую уваженіе, только изъ пимфы преобразившуюся въ богиню. И въ этихъ мысляхъ и надеждахъ, онъ совсѣмъ пыломъ прежней любви своей поступался въ дверь коттеджа, въ которомъ жила миссъ Джемсъ.

Прелестная дѣвушка, почти съ нимъ вмѣстѣ, поспѣшно и шумно взбѣжала въ комнату. Она не знала о его поспѣшеніи, и веселое лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ. Луи вовсе забылъ о Мери, онъ не воображалъ, чтобъ это прелестное существо могло быть бабочкой, развернувшейся изъ той хризалиды, которую онъ видѣлъ въ люлкѣ, онъ только подумалъ про себя, что милая Винфрида все такъ же добродушна и такъ же мало тщеславна, какъ и прежде, иначе она никогда не рѣшилась бы имѣть при себѣ такую красавицу. Однакожь онъ, привѣтливо улыбаясь, спросилъ о пей, и Мери съ удовольствіемъ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ оставить комнату. Винфрида немедленно явилась, а съ ней вмѣстѣ и Мери. Увидавъ Луи, она на минуту остолбѣла, какъ будто увидала возставшее изъ гроба привидѣніе, — потомъ, лицо ея покрылось смертною блѣдностью, и она слабо вскрикнула, зашаталась, и протянувъ къ нему исхудавшія руки, вскричала: «Луи, Луи!» и безъ памяти упала на полъ.

Этотъ обморокъ уничтожилъ послѣдніе остатки заблужденія. О, зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Зачѣмъ не довольствовался усладительнымъ романомъ вѣры и воспоминаній! — Дурнота Винфриды продолжалась не долго, а съ ней вмѣстѣ исчезла и ея слабость. Пришедъ въ себя, она съ улыбкой протянула ему руку и сказала твердымъ голосомъ: «Свиданье съ вами, Луи, было такъ неожиданно, что оно сразило меня.» Потомъ стала

говорить о минувшихъ дняхъ съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы они разстались не далѣе, какъ на прошедшей недѣлѣ, и никогда не были такъ близки; такимъ образомъ она поставила и его и себя въ настоящее положеніе, изъ котораго оба едва не вышли, и освободила будущее отъ всѣхъ узъ прошедшаго. Луи не могъ не оцѣнить этого женскаго такта и этой деликатности, и сказавъ себѣ: «я скоро привыкну къ потерѣ ея красоты», вообразилъ, что будетъ любить ее по прежнему, и что все пойдетъ хорошо и благополучно для обоихъ. Теперь онъ былъ доволенъ, что пріѣхалъ: какая наконецъ въ томъ важность, болѣе или менѣе она хороша собою? Винфрида была точно такъ же добра, какъ прежде, и можетъ быть, даже и добрѣе, и чтожь до того, если она нѣсколько утратила своей красоты? Луи философствовалъ, какъ люди обыкновенно дѣлаютъ, когда обманываютъ себя. Онъ провелъ въ Девонширѣ около мѣсяца, и подъ конецъ этого времени часто былъ въ смущеніи и замѣшательствѣ. Въ первые дни онъ далъ замѣтить Винфридѣ, что все еще любитъ ее, — сказалъ ей, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Девонширъ, — много говорилъ о прекрасномъ, благотѣльномъ вліяніи, которое во всю жизнь имѣло на него воспоминаніе о пей, и какъ онъ постоянно надѣялся на будущее, и вѣровалъ въ него; онъ пробудилъ въ ней всю прежнюю любовь, всѣ заснувшія надежды; влилъ новую жизнь въ ея сердце, возвратилъ ей юность; говорилъ ей, что видитъ въ ней существо достойное поклоненія по добротѣ своей, и говоря такимъ образомъ, нанечатлѣлъ поцѣлуй на поблекшей ея, щекѣ — и послѣ всего этого онъ нашелъ, что она увяла, устарѣла; что она могла бы быть ему матерью, а не женой, — что, припявъ въ соображеніе ея годы, любовныя отношенія между ними должны казаться смѣшными. Еслибы она была Мери — дѣло другое.

Луи Блекъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Мери. Величественная его осанка, положеніе его въ свѣтъ, блестящій умъ — все внушало ей удивленіе къ нему, доходящее почти до боготворенія, но боготворенія, смѣшаннаго со страхомъ, — и вслѣдствіе этого, она сама измѣнилась: простое, дѣтское ея обращеніе сдѣлалось приличнѣе, сдержаннѣе; слезы, проливаемые ею безъ причины, сильная ея раздражительность, странное обращеніе съ Винфридой, — пламенные, частые поцѣлуй ея, паноминанціе поцѣлуй ея дѣтства, когда ее втайнѣ тревожило чувство еще не сознанной вины; застычивость ея, когда съ ней говорилъ Луи, ея скорбь, когда онъ молча проходилъ мимо ея; жадность, съ которой она ловила его взоръ и улыбку, и румянецъ ея, когда ея желаніе исполнялось; — все, касательно ея, могло служить ключемъ для Винфриды; но она еще не знала, что этотъ ключъ также отпиралъ

и другое сердце. Наконецъ она почувствовала замѣтную, несомнѣнную перемѣну въ Луи: онъ сталъ холоденъ въ обращеніи съ нею, по временамъ, даже казался раздраженнымъ; избѣгалъ оставаться съ ней наединѣ, пересталъ говорить о прошедшемъ,—часто былъ суровъ, натянутъ; онъ больше не любилъ ея и хотѣлъ, чтобъ она поняла это. Обращеніе его съ Мери было также измѣнчиво. Иногда онъ показывалъ къ ней нѣжное, отеческое расположеніе, иногда былъ суровъ и жестокъ; иногда такъ предавался разговору съ ней, или такъ усердно, молча, слѣдилъ за всѣми ея движеніями, что забывалъ весь міръ, а въ другое время, казалось, совершенно забывалъ о ней, и даже не замѣчалъ ея присутствія. Винфрида все это видѣла, и первая справедливо оцѣнила затруднительное это отношеніе и тщетныя усилія соединить несомвѣстныя чувства, — и, понявъ свое положеніе, подчинилась ему съ достоинствомъ и величіемъ. Тутъ не было середины. Луи даже и не воображалъ, что ее любить, и она не могла требовать, чтобъ онъ исполнилъ обѣщаніе, данное ей подъ вліяніемъ этого заблужденія. Опять ей предстоялъ выборъ между долгомъ и самой собою, — опять настало время самоотверженія. Онъ любилъ ея питомицу — Мери, и горькія слезы катились по лицу Винфриды, когда она, молясь, стояла на колѣняхъ подлѣ своей постели и тихо говорила себѣ: Мери его любить. Да, ребенокъ, о которомъ она неслась, какъ о своемъ собственномъ, за котораго готова была отдать жизнь свою, теперь требовалъ отъ нея болѣе, чѣмъ жизни,—и Винфрида рѣшила, что требованіе это будетъ удовлетворено.

Во время позднихъ сумерекъ, Винфрида сошла внизъ и сквозь низкое итальянское окно гостиницы вышла на лугъ, на которомъ близъ дерева молча стояли Луи и Мери; между ними только что прозвучало слово слишкомъ нѣжное, мелькнулъ взглядъ слишкомъ искренній, и Луи еще боролся съ желаніемъ все высказать словомъ и взоромъ и предоставить исходъ судьбѣ. Мери дрожала, глаза были полны слезъ и странное неудовлетворенное чувство, которому не знала причины, овладѣло ею. Винфрида тихо подошла къ нимъ, и остановилась подлѣ нихъ, когда они еще и не подозревали, что она вышла изъ дома. Мери, громко зарыдавъ, бросилась къ ней на шею и сказала:

— Ангелъ мой, Винни! Какъ я рада, что ты пришла! Луи отвернулся въ мучительномъ смущеніи.

— Для чего ты отворачиваешься отъ меня, Луи? сказала Винфрида; или ты боишься друга, или не доверяешь моей любви?

— Что хочешь ты сказать этимъ, Винфрида? съ живостію воскликнулъ Луи. Ради Бога, говори яснѣе! О,

прости меня, мой добрый другъ! я суровъ, я жестокъ къ тебѣ, но я себя не помню, — я безуменъ.

— Бѣдное сердце, страдающее отъ своего невѣрія! нѣжно сказала Винфрида, и взявъ его руку, положила ее въ руку Мери, и крѣпко сжимая ихъ, продолжала: Видишь ли, Луи,—и слезы медленно катились по увядшимъ щекамъ ея: — рука моя не только не преграда между тобой и твоей любовью, но даже проводникъ къ ней! Любите другъ друга, дорогіе мои, если отъ этой любви зависитъ ваше счастье; свое же счастье я буду искать въ вашемъ благополучіи и въ вашихъ радостяхъ; а если со временемъ будете поминать Винфриду, то пусть Мери вспомнитъ о своей воспитательницѣ, какъ о существѣ, любившемъ ее болѣе жизни, а Луи пусть скажетъ, что имѣлъ друга, вѣрнаго до конца своему обѣту.

Чрезвычайно-важное открытіе.

— Кто не родился, а умеръ?

— Адамъ.

— Кто родился, потомъ умеръ два раза, и все-таки безсмертенъ? Бьюсь объ закладъ, что никто изъ читателей не угадаетъ. Но такъ и быть, я ихъ избавлю отъ головомной работы.— *Генрихъ Гейне*, отвѣчаю я торжественно, тотъ самый Гейне, сочиненія котораго въ переводѣ вы теперь читаете почти во всѣхъ русскихъ журналахъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Въ Современной лѣтописи «Русскаго Вѣстника» (Т. II, стр. 101, 1856 года), г. Михайловъ писалъ:

«17-го февраля (новаго стиля) умеръ въ Парижѣ глава современныхъ поэтовъ Германіи, *Генрихъ Гейне*.»

Это одинъ разъ. Дѣло было въ 1856 году.

Но онъ умеръ еще прежде, гораздо прежде. Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, издававшемся г-мъ Плюшаромъ (Т. XIII, стр. 424, 1838 года), напечатано:

«*Гейне, Генрихъ*, извѣстный германскій стихотворецъ и послѣ Бёрне извѣстнѣйшій изъ нѣмецкихъ политическихъ писателей дерзостью своихъ мнѣній, родился въ Дюссельдорфѣ въ 1797 году, происходилъ изъ еврейской фамилии... (слѣдуетъ перечисленіе его сочиненій), умеръ въ Парижѣ въ 1837 году. Онъ одаренъ былъ блестящими дарованіями» и т. д. Дѣло было, какъ видите, почти за 20 лѣтъ.

Итакъ, Гейне отъ другихъ бессмертныхъ поэтовъ отличается, между прочимъ, тѣмъ, что онъ умеръ два раза; тогда-какъ они только по одному.

Сообщаемъ эту замѣтку, въ особенности, гг. фонъ-Видерту и Михайлову, какъ біографамъ Гейне.

И. Лебедевъ.

ГОРЕ ВДОВЫ.
(Рис. С. А. Любовникова.)

— О чемъ, тетка, плачешь?
— Охъ, родимый! сожитель мой потонулъ!
— Ну чтожь дѣлать? вѣдь не воротишь.
— Знамо дѣло — не воротишь; да рубахи-то больно жаль, —
повешенька была!

III.
ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ.
(Рис. К. И. Исакова.)

У него занимаетъ деньги Его
Сіятельство.

НА УЛИЦЪ.

Грязно и печально! Солнце тучей скрыто!
Дождикъ ливня млется, въ окна бьетъ сердито...
Улица большая... Стукъ отъ экипажей...
Рядъ домовъ богатыхъ въ нѣсколько этажей...
Тутъ бредетъ шарманщикъ; кучу собаченокъ
Тащить на веревкѣ худенькій ребенокъ,
Весь въ лохмотьяхъ грязныхъ, въ блестяхъ, съ мишурою...
На дома глядитъ онъ съ вѣскою слезою.
Дѣвочка за ними, блѣдная, худая,
Тащить марьонетокъ, слезы отирая...
Башмаки отъ грязи все ужь износились,
Локоны, измокши, по плечамъ спустились!...
Дѣтская головка, знала ли ты ласки?...
Цѣловали ль прежде голубые глазки?...

Были ль подъ косынкой прежде скрыты плечи?
Матери любимой слышала ль ты рвчи?
Или съ малолѣтства только звуки оргій,
Грязныя пирушки, дикіе восторги,
Да слова такія, что и вспомнить стыдно,
Слышала всегда ты въ жизни завидной?
И огрубло чувство, отупѣло ухо...
И еще дитѣю стала ты старухой!...
Постепенно въ бездну гнуснаго порока
Упадая глубже, тяжкаго упрека—
Ты не испытала, ты не испытаешь,
И любви, и счастья въ жизни не узнаешь!...
Но не виновата будешь ты въ падень!...
Тяжело боренье — сильно искушень!...

К. Бабиковъ.

РОСКАЗНИ КАРПА ИВАНЫЧА.

(Посвящается Т. А. Ш.)

— Какими судьбами?! Карпъ Иваннычъ! васъ ли я вижу?! воскликнулъ я входящему ко мнѣ Карпу Иваннычу. Зачѣмъ? на долго ли?...

— Охъ, батюшки мои,—уморился, смерть: дайте отдохнуть! Экъ вы, Петръ Петровичъ! верстъ никакъ пятнадцать живете отъ города: шель, шель... силъ никакихъ не стало... исполать вамъ! И зачѣмъ вы такъ далеко живете?...

— Что за далеко? верстъ пять всего. Ну, расскажите, какъ вы поживаете, — что новаго, здоровы ли вы?

— Все хорошо: и здоровъ, и веселъ, и новостей вамъ привезъ кучу... Одно не хорошо, что вы забываете старыхъ друзей: что бы вамъ хоть строчку написать: «какъ, молъ, вы тамъ, Карпъ Иваннычъ, попрыгиваете?» Небось по васъ — такъ хоть умри Карпъ Иваннычъ, — вамъ все равно, и «охъ» не молвите?

— Ну, Карпъ Иваннычъ, это ужъ грѣхъ съ вашей стороны... Но я знаю, что вы шутите, хотите вызвать меня на любовное объясненіе вамъ, — такъ я вамъ объяснялся уже нѣсколько разъ, да притомъ вы очень хорошо знаете, что я не только васъ люблю, но и весь вашъ городъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ, Петръ Петровичъ, диковинное это дѣло, — занятій особенныхъ у васъ тамъ нѣтъ, а вы все-таки — нѣтъ-нѣтъ, да и заѣдете: и что хорошаго нащли вы въ нашемъ городѣ? По мнѣ, такъ только и хорошъ дѣвичій монастырь; а то, ей-ей, нѣтъ ничего пріятнаго. То ли я прижился, да принохался къ своему городу, а не по душъ онъ мнѣ что-то.

— Да объ этомъ и говорить нечего: изъ вашихъ рассказовъ было видно, что вы мало тамъ находите хорошаго, но я признаюсь вамъ, люблю Грязновъ. Я не знаю: проведенное ли дѣтство въ немъ располагаетъ меня къ нему, или встрѣтившіеся различные случаи во время моихъ посѣщеній, — я не знаю, но люблю его, втроитно, на томъ же основаніи, на которомъ Лапландецъ и бѣлый медвѣдь стремятся къ сѣверу и тундрамъ. Бывши тамъ проездомъ пынѣшнее лѣто, я обошелъ все пригородныя мѣста, дорогія мнѣ по воспоминаніямъ, и большую часть вечеровъ просиживалъ въ саду, изъ котораго видѣлъ лѣсъ: мнѣ такъ правилаась эта тишина... Нѣтъ! какъ хотите, но ваша нелюбовь имѣетъ какія-нибудь особенныя причины.

— Причины!... Известно, что причины! Кто бы меня заставилъ безъ причины скакать 500 верстъ на почтовыхъ, да еще вѣхать 1000? Силъ нѣтъ служить: ѣду въ Питеръ; когда бы Богъ послалъ мѣстечко!

— Чѣмъ же было плохо ваше мѣсто?

— Эхъ, Петръ Петровичъ! Ну что сдѣлаешь на триста цѣлковыхъ? Тутъ мать, тутъ тебѣ братишка: пить-вѣтъ надо; надо обути, надо одѣть! троихъ-то не скоро упѣтаешь *). Вонъ, братишку-то, училъ, училъ, готовилъ во 2-й классъ, а съ тѣмъ и дѣло бросилъ, что приняли въ 1-й.

Около директора-то ходилъ, ходилъ: дай, говорить, пятьдесятъ серебра, можно дѣло поправить, а то, говорить, молодъ—возиться съ нимъ во 2-мъ классѣ. Этакимъ злющій кощей: «сухая, говорить, ложка ротъ деретъ». А гдѣ взять пятьдесятъ цѣлковыхъ? И безъ того концы съ концами не сводишь — въ долгахъ, какъ въ орѣпьяхъ.

— Неужели, Карпъ Иваннычъ, директоръ взятки беретъ?

— Эка важность! У насъ одинъ баринъ еще чище дѣлаетъ: наберетъ въ присутствіи негодящихъ бумажекъ, да и спускаетъ ихъ купцамъ, али, кому-либо въ карты проигрываетъ.

— Какія же это негодящія, Карпъ Иваннычъ?

— Ну, простота вы, Петръ Петровичъ! Какъ посмотрю я — ничего-то вы не понимаете! Ну вѣдь принимаются деньги-то иногда большими суммами, между ними попадають фальшивыя; въ казну фальшивыя не годятся, — онъ ихъ и втираетъ въ руки-то; известно, человекъ съ вѣсомъ, стало-быть: купецъ ли, нашъ ли братъ-чиновникъ и совѣстится не взять, потому что, какова ни мѣра и прижметъ... Сила! говорятъ, министру кумъ, — ничего, значить, и не подѣлаешь!

— Это, Карпъ Иваннычъ, въ высшей степени интересно; расскажите, пожалуйста, поподробнѣе?

— Кабы вамъ рассказать все, такъ это волосъ дыбомъ становится... Про этого господина, такихъ я вамъ расскажу исторій, что ахнете! А теперь хоть тотъ же директоръ? какъ поразскажутъ гимназисты, да ихъ родители — просто ужась, да и только!

— Что же такое еще директоръ? Я зналъ его всегда, какъ умнаго человека...

— Умный человекъ! Вонъ, говорятъ, и секретарь Павелъ Николаевичъ умный человекъ!

— Кто это, Павелъ Николаевичъ?...

— Развѣ не знаете? секретарь. Его такъ все и величаютъ по-батюшки, а опъ всѣхъ по-фамиліи, развѣ только предводителя назоветъ по имени-отчеству. Они все умные, да только себѣ въ карманъ, али для своей гордости, сами, значить, про себя только! Я, говорить, честный человекъ, я-де умница, у меня, говорить, и предводитель, прѣдетъ ко мнѣ, по два часа дожидается — вотъ что? Знай нашихъ! А этотъ честный человекъ лежитъ цѣлый день на диванъ, въ какой-то куцавейкѣ, на распашку, всѣхъ обзываетъ да бранитъ, а за все это удовольствіе деретъ съ двухъ мѣстъ жалованье. И какой умъ, и на чемъ этотъ умъ видѣнъ — единому Господу Богу известно!... «Рекомендую, говорить, вотъ мужичина — казну надулъ, хотѣлъ машину сдѣлать, да чугуны полонались!» Про васъ тому наговорить, про того вамъ: — зубоскалить-то, вонъ вѣдь и цырюльникъ Федька мастеръ! Одного бѣдняжку такъ раздражилъ, что тотъ на стѣпы метался: *подстрекатель*, говорить, ты! Министру поѣду, скажу, что ты подстрекатель... И смѣхъ, и грѣхъ! И въ правду г-нъ Щедрипъ сказали: губернскіе, говорить, вы мѣфистофели, да и все тутъ! Что это такое, Петръ Петровичъ, мѣфистофель?... Это вѣдь нехорошее что-нибудь?...

* Упѣтать, мѣстное выраженіе, знач. снабдить.

(Рис. И. О. Шестакова.)

— А мостъ у насъ будетъ знатный: такого не скоро и дожدهшься.

— А почему, Иванъ Ивановичъ, вы такъ полагаете?

— А потому, что, говорятъ, подрядчикъ не сошелся съ начальствомъ. Съ него, видишь ты, требовали, какъ водится, процентовъ съ суммы, да что-то много; такъ онъ и смекнулъ, что ему будетъ выгоднѣе лучший матеріалъ противу смѣты поставить;—пушай, говоритъ, малый барышъ получу, да по крайности обывателямъ съдѣлаю удовольствіе. Вотъ отъ того и мостъ хорошъ.

— Да, да, Карпъ Ивановичъ, это не хорошее: хуже чорта, да чорта-то—губернскаго. —Что же, Карпъ Ивановичъ, расскажите поподробнѣе—пу, хоть про этого секретаря, какъ-бишь его?... Павелъ Николаевичъ? Ну, такъ про Павла Николаевича, то-есть губернскаго мейнстофеля, какъ вы его назвали?

— Нѣтъ ужъ я лучше про директора расскажу, съ семействомъ, или про директрису института, а вѣдь Павелъ-то Николаевичъ мнѣ съ родни.

— Э-э, Карпъ Ивановичъ! это ужъ не чисто! Въ васъ слишкомъ много эгоизма! про своихъ-то, что васъ-то касается, и молчать?... Вѣдь такъ и вы будете честны и умны «сами про себя только», какъ вы давеча выразились. Какой же онъ вамъ родня?...

— Какъ же не родня? Сватъ! Да еще такой сватъ—подарки дѣлаетъ. Намедни былъ я у него въ компаніи: вотъ, говоритъ, Карпъ Ивановичъ, не хотите ли на заводъ подѣ курицу? И подарилъ мнѣ десятокъ голубыхъ лицъ: отъ шпанки ли, отъ цыцарки ли — не знаю, только не здѣшнія. Да ужъ для васъ, Петръ Петровичъ, такъ и быть, расскажу и про свата. Такіе онъ тамъ чудеса творитъ — и-и-и! страсть любопытно! Да вотъ что, Петръ Петровичъ: вы знаете Василья Васильича?

(Рис. К. И. Исакова.)

— Какъ! ты живъ?

— Да, какъ видишь.

— А мнѣ Б. сказалъ, что ты умеръ; а я ему, извини, больше вѣрю, чѣмъ тебѣ.

— Какого Василья Васильича?

— Да Челнавскаго-то?

— Какъ же, какъ же! пріятели были!

— Такъ я вамъ скажу, что вотъ они теперь уехали въ Питеръ, а мнѣ подарили свои тетрадки о нашемъ городѣ: вотъ это такъ истинно, что ужъ любопытно: тамъ и прокуроръ съ прокуроршей, и директриса, и Павелъ Николаевичъ въ полномъ видѣ представлены и разные отчерки всему городу.... Истинно, что любопытно, если хотите знать о нашемъ городѣ. Я читалъ ихъ каждый вечеръ, когда ложился спать. И мастакъ онъ писать это: точно сочинитель какой. И про себя тамъ написалъ, и какіе-то любовныя письма написалъ, ну, то-есть съдѣлалъ отчеркъ всему городу въ лучшемъ видѣ, и себя вмѣстѣ.

— Ахъ, пожалуйста, Карпъ Ивановичъ! Я никакъ не ожидалъ, что вы мнѣ доставите такое удовольствіе; я съ особеннымъ наслажденіемъ прочту эти записки; даже, если хотите, напечатаю ихъ, если это можно?

— Отчегожь пельзя? Василій Васильичъ, когда отдавалъ ихъ мнѣ — куда, говоритъ, хотите дѣвайте. Можно, говорю я, давать читать кому нибудь? А онъ, какъ нарочно: хотъ напечатайте, говоритъ.... и уехалъ такой.... какъ это въ книжкахъ говорятъ — очарованный.

- То-есть разочарованный, вы хотѣли сказать?
— Да, да, разочарованный; точно такъ...
— Отъ чего жь это онъ сталъ разочарованный?...
— Ужь я и не знаю, — скучно, говоритъ, мнѣ здѣсь, да и люди, говоритъ, у васъ злы.
— Хорошо-съ, хорошо-съ, Карпъ Ивановичъ, напечатаемъ записки Челвавскаго, а теперь расскажите про секретаря или прокурора?....
— Въ другой разъ, какъ приду къ вамъ, Петръ Петровичъ, а теперь, что нибудь иное.
— Ну про директора расскажите, Карпъ Ивановичъ?
— Про директора — извольте-съ.

КАРЕЯНОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)

МЕЛОЧИ.

Переводъ модныхъ словъ.

- Какъ перевести по-русски перьдко употребляемыя въ модномъ свѣтѣ слова: *фатъ* и *камелія*?
— Ничего нѣтъ проще: это по-русски выходитъ *хвастъ* и *каналия*.
— Да вѣдь каналия-то (*canalia*) слово не русское, а, скажутъ, оно италіянское?
— Э! все равно! всякому Русскому хорошо известно, что каналия, или капалья, все одна и та же дрянь.

Молодой человекъ написалъ любовное письмо къ предмету своей страсти. «Если вы не любите меня, заключилъ онъ свое страстное посланіе, то возвратите мнѣ эти строки, не распечатавъ ихъ»

— Для чего у артиллеристовъ тесаки? спросилъ пѣхотный солдатъ у артиллериста.

— Какъ же? А когда дирекція нальво, за что же левой рукой держаться?

Одинъ господинъ, известный дурною репутаціею, нанималъ однажды извозчика.

— Нѣтъ, я съ вами не поѣду, сударь, отвѣчалъ извозчикъ.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что всегда, когда я ѣду съ вашей милостью, на меня указываютъ пальцами и говорятъ: «вотъ ѣдетъ подлець». А я право не знаю, за что меня ругаютъ.

Богатый лордъ Н., очарованный красотою одной актрисы, услышалъ, что она ведетъ очень скромную жизнь и отвергаетъ всѣ предложенія своихъ поклонниковъ. Онъ написалъ ей слѣдующую записку: «Сударыня! мнѣ сказали, что вы очень добродѣтельны, и приняли твердое намѣреніе всегда такою остаться. Чтобы вамъ легче было это исполнить, я назначаю вамъ ежемѣсячно 50 фунтовъ стерлинговъ. Но если когда-нибудь вы вздумаете перемѣнить свое намѣреніе, то прошу васъ оказать предпочтеніе мнѣ, и я назначу вамъ тогда 100 *фунт.* стерлинговъ ежемѣсячно.»

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Г-ну Н — у, въ Москвѣ. Стихотвореніе, доставленное вами, не можетъ быть напечатано.

Г-ну А. Г — у, въ Рязскѣ. Присланныя вами стихотворенія не будутъ напечатаны.

Редакторъ *Ө. Миллеръ.*

„Развлеченіе“ будетъ издаваться въ будущемъ 1860-мъ году въ томъ же духѣ и объемѣ, какъ и въ нынѣшнемъ. Подписка принимается въ Москвѣ: у Гг. Бабунова, Свѣшниковъ, Смирдина, Салаева, Улитиной, Щепкина, Лоскутова, Глазунова, Наливкиныхъ и въ конторѣ типографіи Каткова и Комп. Въ С.-Петербургѣ: у Гг. Давыдова и Бабунова; въ Твери: у г. Черенина; въ Тифлисѣ: у г. Беренштамма; въ Одессѣ: у г. Бѣлаго; въ Казани: у г. Дубровина. Цѣна въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 руб., съ доставкою 4 руб. сер. Въ С.-Петербургѣ и Твери 4 руб. Съ пересылкою въ другіе города 5 руб. серебромъ.